

Ю.М. Плюснин

**Социально-психологические механизмы жизнеобеспечения населения в условиях экономического кризиса
(сравнительный анализ сельских сообществ на Русском Севере и в Горном Алтае)**

Политические и социально-экономические преобразования в России, трансформировавшие за последние годы самые глубины общественной жизни, больше всего, может быть, сказались на сельском населении страны: вновь, как и семьдесят, и пятьдесят лет назад, положение крестьянина стало тягостным [1]. Крестьянин оставлен без внимания и поддержки, а та система социальной защиты, какой он располагал в лице колхозов и совхозов, — подчиненный, закрепощенный ими, но со временем и сам подчинивший их себе, приспособивший к своему духу и образу жизни, — эта система разрушена безжалостно и без внимания к реальным нуждам людей, разрушена силами не только самого государства, но и руками самих же крестьян. То, что мы видим теперь в жизни российской деревни, независимо, представляет ли она окраины или центр страны, составляет низшую точку социального кризиса [2]. Как бы ни были тягостны эти наблюдения, они должны быть зафиксированы с расчетом на будущее, поскольку такое состояние — временное и преходящее, а лучшие времена, которые, несомненно, наступят, придут быстрее или медленнее в зависимости от процессов, зарождающихся и формирующихся в недрах сельской общины уже сейчас.

Данная статья посвящена сравнительному исследованию социально-психологических механизмов жизнеобеспечения сельских сообществ в Сибири и на Русском Севере, сформировавшихся в результате глубокого и продолжительного кризиса экономики России. Это механизмы *выживания*. В каждой местности в зависимости от складывающихся политических, социальных и экономических обстоятельств могут формироваться специфические психологические механизмы выживания; они при этом могут носить временный и эфемерный характер, будучи механизмами приспособления к локальным внешним условиям. Кроме того, в ситуации очень значительной нестабильности приспособление может носить парадоксальный характер, являясь на конкретном небольшом временном интервале адаптивным, но в перспективном отношении выступая как неадаптивный механизм.

Исследования проводились в октябре 1994 г. в северных районах Горного Алтая (14 населенных пунктов Майминского, Чойского и Турочакского районов) и в сентябре 1995 г. и в июле-августе 1996 г. на поморском Русском Севере (23 населенных пункта, из которых 10 непосредственно обследованы — на северном, западном и южном побережье Белого моря, административно подчиненных Карелии, Мурманской и Архангельской областям).

Основные выборки образованы лицами, от которых получена информация о проблемах сельской жизни с помощью структурированного интервью и “Анкеты эксперта села”. Выборки формировались случайным образом, однако с коррекцией по половозрастным когортам и социально-профессиональным группам. Общая численность опрошенных с помощью “Анкеты эксперта села” и в интервью в селах Горного Алтая составила 252 человека (111 мужчин и 141 женщина) в среднем возрасте 40,0 лет (19 — 74). Выборка в поморских селах Русского Севера составила 193 человека (89 мужчин и 104 женщины) в возрасте 43 года (18 — 93).

Интервьюируемым предлагалось осветить проблемы своего села и района, собственные проблемы и проблемы своей семьи, вспомнить прежнюю жизнь и оценить перспективы ближайшего и отдаленного будущего. По возможности (в зависимости от осведомленности, открытости, готовности к

взаимодействию и личным характеристикам человека) затрагивались все основные вопросы: идеологические и политические, правовые и экономические, социально-демографические и культурные, национальные и исторические, связанных с воспитанием и образованием.

Для изучения различных аспектов организации сельской жизни применялся «Паспорт села», данные в который заносились из похозяйственных книг и/или со слов компетентных лиц (глав сельских администраций, секретарей, инспекторов, бригадиров, представителей интеллигенции).

Выбранные для исследования районы оказались, против ожиданий, полярными по ряду социальных и экономических признаков. Это дало возможность провести анализ, в котором сравнивались контрастные психологические механизмы выживания.

Наиболее важной особенностью, повлекшей за собой и многие другие различия, явилось то, что на Алтае колхозы и совхозы были ликвидированы в 1992 г. и каждое село осталось без тех элементов инфраструктуры, которые традиционно поддерживались колхозами (в конечном счете это все без исключения основные элементы). Фермерские хозяйства и акционерные предприятия, призванные, по замыслу, заменить колхозы и совхозы [3], с самого начала продемонстрировали свою полную нежизнеспособность и отдельные семьи внезапно и сразу оказались брошенными на произвол судьбы, оставлены выживать в одиночку, хотя еще вчера они имели надежную защиту со стороны как колхоза, так и государства.

Экономическая ситуация в поморских селах Русского Севера носит прямо противоположный характер. Здесь сохранились все рыболовецкие колхозы, на плечах которых продолжает держаться инфраструктура села в той мере, в какой колхозы способны ее поддерживать.

Для северных колхозов была характерна многопрофильность хозяйственной деятельности, и они в большинстве своем продолжают ее сохранять. Практически каждый колхоз работает не менее чем по десяти хозяйственным направлениям, что, несомненно, дает достаточно широкие возможности для приспособления в трудных экономических условиях. Наиболее важной и доходной статьей является лов рыбы в Атлантике, который ведет каждый колхоз. Кроме этого ведется рыбный промысел на беломорской акватории, а также местный лов на прибрежных тонях. Морской пушной промысел ведется по припайному льду поблизости от села, а до недавнего времени забой бельков осуществлялся и в горле Белого моря. Помимо этой, основной для северных хозяйств, деятельности достаточно широко осуществлялись заготовка водорослей, лесозаготовки и лесоразработки, заготовка дикоросов развивалось звероводство и велся охотничий промысел. Животноводство и полеводство как в самом колхозе, так и в жизнеобеспечении отдельных семей всегда были только вспомогательными видами деятельности.

Напротив, алтайские хозяйства отличались достаточно узкой специализацией в области молочно-мясного животноводства; в лесной зоне Горного Алтая не развиты ни овцеводство, ни растениеводство и полеводство. Дополнительными видами деятельности, которые носят по преимуществу частный характер, являются охотничий промысел, заготовка дикоросов, коневодство и свиноводство. Устойчивость хозяйств к разрушению в условиях экономического кризиса оказывается при такой узкопрофильности незначительной, что и проявилось в очень короткие сроки.

Материальная жизнь людей, поскольку она была подчинена организационным хозяйственным формам в виде колхозов и совхозов, быстро отреагировала как на их разрушение (в случае сел Горного Алтая), так и структурные изменения (в случае поморских сел). Изменения в структуре материальной жизни в селах Горного Алтая и Русского Севера имеют ярко выраженные различия. В первом случае это формирование механизмов жизнеобеспечения сельского сообщества, основывающихся на прин-

ципе *самодостаточности и автономности*; во втором же — *редукция и подчинение внешним экономическим субъектам* всей структуры жизнеобеспечения села и каждой отдельной семьи, формирование комплекса связей *зависимости*.

В чем конкретно это выражается? Разрушение централизованных социально-экономических связей, развал всего колхозно-совхозного хозяйственного механизма, резкий рост безработицы и неплатежи, охватившие не только активное население, но и пенсионеров, привели к тому, что те немногие кооперативные и фермерские крестьянские хозяйства, которые сформировались на первом этапе реорганизации сельской экономики, очень быстро стали банкротами. Большинство же крестьян не откликнулись на “веление времени” и не пошли по этому пути. Там, где сохранились базовые элементы колхозного хозяйства психология материальной жизни прежде всего стала подстраиваться именно под эту проверенную временем организационную форму. На Русском Севере такое приспособление наблюдается повсеместно. В стратегическом отношении оно неадаптивно, но основывается на рациональных мотивах и является приспособительным поведением по отношению к ситуативным, кратковременным условиям.

Среди элементов структуры хозяйственной деятельности поморских рыболовецких колхозов реальную жизнеспособность сохранили очень немногие, а чаще всего только один — атлантический лов рыбы и ее продажа заграничным партнерам. Благодаря этому колхоз имеет некоторый минимум средств, которые распределяет в виде зарплаты и пенсии своим колхозникам. Величина этих выплат невелика (от 400 тыс. руб. в Карелии и Архангельской области до 1 млн. руб. в Мурманской области) но стабильна. Более того, колхозники удовлетворяются этим уровнем: очень немногие идут в качестве рыбаков на колхозные суда, хотя зарплата здесь на порядок выше, чем на берегу (в среднем около 4 млн. руб.). Колхоз вынужден вербовать команды на суда в Эстонии и на Украине, в то время как свои работники пребывают без дела в селе. Животноводство, сенокос и полевые работы давно приобрели значение “социальных работ” (даже в глазах самих колхозников), поскольку не только не приносят дохода, но и убыточны. Поэтому в селах нет молочного стада или оно крайне невелико, очень мало овец и коз, совсем нет свиней. Сенокосы зарастают и не используются. Даже выращивание картофеля сократилось повсеместно очень сильно. Жители проявляют большую или меньшую активность только в заготовке водорослей, частной рыбной ловле, охоте, сборе дикоросов.

Достаточное развитие структуры присваивающего хозяйства на Русском Севере (хотя оно все-таки не удовлетворяет базовых потребностей населения) сопровождается атрофией частного подсобного хозяйства. Это очень хорошо видно из приводимой здесь таблицы, где представлены сравнительные данные по структуре и уровню развития крестьянского хозяйства на Русском Севере и в Горном Алтае. Жизнь преимущественно за счет моря приводит к недоразвитию многих элементов подсобного хозяйства, хотя экономические и природные условия для этого есть. Поморы продолжают сохранять основные черты частной хозяйственной жизни, которые были им присущи еще 150 и более лет [4]. Как можно видеть, в среднем на одного человека на Русском Севере приходится всего около одной — двух соток пахотной земли, тогда как минимально необходимая площадь при условии полного самообеспечения составляет около 1 десятины (10 соток) даже в средней полосе; суммарное количество голов домашнего скота не достигает и 0,3 на одного человека, хотя необходимый уровень — не менее одной головы на человека.

Мало занимаясь выращиванием картофеля, поморы почти совсем не занимаются огородничеством: более или менее значительно выращивание овощей получило распространение в предвоенный и военный период в связи с появлением на Севере большого числа ссыльных из южных областей страны, которые селились отдельными де-

ревнями, в отличие от поморов, как правило, на некотором удалении от моря. Например, на Онежском и Летнем берегах в Архангельской области, в районе Летней Золотицы, Пушлахты, Лямцы, Пурнемы, выращивание капусты, моркови, лука и других овощей получило распространение вследствие появления деревень со ссыльным татарским населением из Средней и Южной России. Теперь, к сожалению, эти деревни уже не существуют, а сами поморы вновь стали все меньше заниматься огородничеством.

То количество скота, которое, как мы видим из таблицы, имеется в поморских хозяйствах, конечно, никоим образом не может обеспечить существование семьи. В селе, где проживает в среднем 100 семей, всего только одна — две семьи держат коров; практически никто не выращивает свиней — на 912 обследованных семей приходится всего пять свиней. Необходимый минимум мясных и рыбных продуктов обеспечивается прежде всего за счет морского промысла и, по-видимому, охоты (по крайней мере охота, по словам респондентов, доставляет до трети, а скорее всего и большую долю всего потребляемого мяса). Наблюдаемая ситуация весьма соответствует той, что была зафиксирована в середине XIX — начале XX вв. [5].

Полная атрофия натурального хозяйства и сохранение у поморов ориентации на такие виды промыслов, которые традиционно требуют коллективной деятельности, не в последнюю очередь заставили их повсеместно сохранить колхозы. Необходимость в этом продиктована также и тем важным обстоятельством, что социально-психологические механизмы жизнеобеспечения поморских сообществ традиционно формировались как механизмы коллективной жизнедеятельности и в советское время они поддерживались организационно и идеологически.

Сохранение подобной системы жизнеобеспечения в современных условиях глубочайшего кризиса привело к формированию любопытных, если не сказать парадоксальных, психологических механизмов жизнеобеспечения. В ситуации, когда крестьянин не имеет возможности автономного жизнеобеспечения и лишен работы, которая приносила бы ему заработок, но в то же время может получать регулярное вспомоществование в виде колхозной зарплаты, это выглядит как своеобразная *рента* от доходов, получаемых в результате эксплуатации труда наемных работников-рыбаков и сдачи в аренду имущества — судов.

Значение нынешнего заработка колхозников в качестве ренты подтверждается тем фактом, что люди в массе своей не желают использовать другие возможности для поддержания и повышения благосостояния семьи, а нередко вообще не хотят работать. Сформировалась *психология ренты*, которая на уровне обыденного сознания достаточно быстро закрепились, нашла идеологическое обоснование и в нынешних условиях как механизм ситуативно-ценный начинает успешно вытеснять прежние социально-психологические механизмы жизнеобеспечения. Однако ясно, что в стратегическом отношении это неадаптивное и даже губительное для сообщества поведение, это поведение, ориентированное на индивидуалистические и конкурентные отношения, которые не могут быть жизнеспособными в условиях северного села ни по социальным, ни по экологическим причинам.

О всего лишь ситуативной адаптивности такого социально-психологического механизма жизнеобеспечения на Русском Севере свидетельствует тот факт, что в случаях, когда колхоз начинает разваливаться или ликвидируется его отделение, расположенное в каком-то селе, его сообщество вынуждено переходить к совершенно иным моделям жизнеобеспечения и начинают действовать механизмы, аналогичные тем, какие мы наблюдаем в селах Горного Алтая. Такая ситуация разворачивалась на наших глазах в с. Оленице Мурманской области, где колхоз “Беломорский рыбак” ликвидировал свое отделение, жители остались без работы и без всякого пособия по безработице и были вынуждены перейти на натуральное хозяйство, занявшись выращиванием

скота, покосом сена, картофелеводством. Этот процесс прошел достаточно быстро — для перехода понадобилось менее полугода.

Основу материальной жизни сел Горного Алтая составляет *автономная система жизнеобеспечения* на уровне каждой отдельной семьи, но не всего сообщества. Это очень ярко демонстрируют данные по структуре частного подсобного хозяйства в алтайских селах.

В таблице представлены данные по площади сельскохозяйственных угодий, находящихся в частном пользовании, и поголовью скота, приходящегося на среднюю семью. Приведенные численные значения крайне любопытны в том отношении, что они соответствуют аналогичным данным, которые мы обнаруживаем в летописях и исторических записях, касающихся организации крестьянского хозяйства северных районов Европейской России в XII — XIX вв. [6] или Центральной Франции и Южной Германии в XVI — XVII вв. [7]. Именно такие базовые характеристики материальной жизни (в пересчете не на семью, а на одного человека): одна десятая пахотной земли, 1 — 1,5 га сенокосов и пастбищ, 1/2 коровы и 1/3 лошади — и являются, по-видимому, тем необходимым минимумом, который позволяет прокормить одну человеческую единицу в умеренной зоне.

Следовательно, то, что мы видим сейчас в северных селах Горного Алтая, есть возврат к *самодостаточной и автономной материальной жизни*, жизни вне времени и вне цивилизации. Автономность семей внутри села ограничивается исключительно сферой материальной жизни (нельзя сказать — экономики). Она вовсе не распространяется на социальную жизнь, напротив, она как бы способствует консолидации сельского сообщества.

Автономность моделей жизнеобеспечения на уровне отдельных семей формирует определенную направленность социально-психологических механизмов. На Алтае это проявилось очень определенно и резко в создании системы *местного сельского самоуправления*. Это повлекло за собой достаточно определенные практические шаги и сформировало психологическое единство людей, которые в большей степени, чем раньше, стали рассматривать себя как одно социальное целое, от жизнеспособности которого зависит и жизнеспособность каждого отдельного человека. В ряде мест при возникновении конфликтных ситуаций, затрагивающих экономические, социальные или этнокультурные интересы общины, она выступала как единое сплоченное целое. Так случилось, например, в старинном селе Сайдыс Майминского района, на пастбища и охотничьи участки которого посягнул “новый русский” предприниматель, занявшийся пантоводством; сообщество снарядило конный отряд в 20 вооруженных молодых людей, которые отстаивали границы своих угодий, хотя против них выступили отряды охранников и милиции.

В противоположность ситуации, сложившейся в Горном Алтае, на поморском Русском Севере нет условий для развития общинного самоуправления и формирования соответствующего менталитета (хотя, казалось бы, именно колхоз выступает основным субъектом самоуправления [8]). Ситуативные психологические механизмы жизнеобеспечения в сильнейшей степени препятствуют этому. Примечательно, что многие респонденты говорят о желательности и даже необходимости местного сельского самоуправления, тем более что эта потребность объективно подкрепляется отсутствием власти на местах и полной утратой авторитета в глазах колхозников власти областной и центральной. Однако при этом почти никто не представляет себе ни сути, ни формы местного самоуправления, людям совершенно не известны экономические, политические и социальные условия формирования сельского самоуправления, не говоря уже о том, чтобы были предприняты практические шаги по его созданию. Общинное самоуправление предполагает социальное единство, но этому сейчас серьезнейшим образом

препятствует сложившийся социально-психологический механизм жизнеобеспечения, индивидуально-ориентированная психология рантье.

Таким образом, в нынешнее время “великих перемен” мы наблюдаем формирование разнообразных психологических механизмов выживания, одни из которых представляют собой как бы возврат к исходному “архаически-социальному” состоянию, другие — обращение к “цивилизованным” формам. Здесь были рассмотрены только два механизма жизнеобеспечения, но реально каждое сообщество формирует несколько таких механизмов. Общей чертой их всех является ситуативная адаптивность, которая в стратегическом отношении приобретает обратный смысл, и в этом плане такие механизмы следует рассматривать как парадоксальные, да они таковыми и выглядят.

Более важным представляется мне следующий момент. Период, в который мы живем, период социально-экономического и политического кризиса, “катастрофа” в понятии теории динамических систем, позволил продемонстрировать (или даже подтвердить) верность одного фундаментального положения, можно сказать, *социального закона*, зафиксированного историками так называемого психологического направления [9], а вслед за ними и социальными философами. Положение это рассматривают как контрверзу классической социальной теории Маркса, как наиболее важный *argumentum crucis*: общество потенциально содержит в себе всё многообразие формационных признаков, и в известные исторические моменты, в критических ситуациях, во времена переломов эти признаки могут проявиться независимо от того, соответствуют ли они общему направлению социального развития.

В нашем случае мы наблюдаем в рамках одного и того же общества, даже в пределах одного локального сообщества, как в результате кризиса формируются модели жизнеобеспечения, в одном случае соответствующие *вне-экономической* материальной жизни самого “примитивного”, архаического уровня, а в другом — модели, присущие *капитализму*, финансовой экономике. И то, и другое может уживаться в пределах одного села, а переход между ними может занимать не отведенные формационной теорией столетия, а всего лишь месяцы. Как известно, в точке катастрофы, в точке бифуркации потенциально заключен сразу весь спектр состояний системы, к которым она может в дальнейшем перейти, а в самый этот момент она может находиться сразу в нескольких состояниях или хаотически переходить из одного в другое.

Благодарности

Данная статья основывается на результатах трех полевых исследований 1994 — 1996 гг., в которых автору оказали большую помощь другие ученые, за что он выражает им благодарность и признательность. В работе по селам Горного Алтая принимали участие кандидаты философских наук Н.В. Исакова и О.В. Нечипоренко. В полевых исследованиях на Русском Севере участвовали В.М. Плюснин, М. Вильк и В.Е. Дмитриев.

Материалы социологического исследования 1996 г. получены благодаря финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда (грант № 96-03-18019).

Таблица

Население и структура частного хозяйства
в сельской местности Сибири и Русского Севера

№ пп	Показатель	Горный Алтай	Русский Север
1	Численность обследованного населения, чел.	3124	2412
2	Средняя численность жителей в селе, чел.	284 ±46 N=11	268±132 N=9
3	Число обследованных семей	1070	912
4	Средняя численность семьи, чел.	2,92	2,64
5	Площадь сельхозугодий в частном пользовании, приходящаяся на одну семью, га	3,47 N=644	Нет сведений
6	В том числе:		
	пахотной земли (приусадебный участок),	0,22 N=475	0,04 N=792
	огород	нет данных	0,02
	земля под картофель	нет данных	0,02
7	сенокосов	1,98 N=499	Нет сведений
8	пастбищ	1,27 N=499	Нет сведений
9	Среднее число голов КРС (коровы, телки) у одной семьи	1,84 N=1070	0,09 N=350
10	Среднее число лошадей у одной семьи	0,54 N=707	0,02 N=912
11	Среднее число голов свиней у одной семьи	0,66 N=1070	0,06 N=912
12	Среднее число голов овец и коз у одной семьи	0,49 N=1070	0,54 N=850
13	Среднее число штук домашней птицы у одной семьи	3,83 N=1070	0,17 N=912

Примечания: Данные по 14 селам северных районов Горного Алтая получены в октябре 1994г., по 10 поморским селам Русского Севера — в июле-августе 1996г.;

N — суммарная численность домохозяйств, по которой рассчитывался данный показатель; общая площадь сельхозугодий в частном пользовании на Русском Севере не может быть определена, поскольку жители могут пользоваться сенокосами и пастбищами колхоза, но в действительности почти не используют их.

Примечания

1. *Ракитский Б.* Положение населения России: надломленность при "прыжке в рынок"// *Вопр. экономики.* - М., 1993. - N 4. - С. 49-56; *Исторические уроки деформации*

- ции крестьянской жизни в СССР. — М., 1991. — Вып. 4; *История* крестьянства Сибири. Крестьянство и сельское хозяйство Сибири 1960-1980 гг. — Новосибирск: Наука, 1991; *Староверов В.И.* Раскрестьянивание. Историко-социологический очерк процесса // Крестьянство в изменяющихся условиях перестройки советского общества. - М., 1991. — С. 10 — 77.
2. *Социальные* проблемы адаптации аграрного сектора к рынку // Общество и экономика. - М., 1993. - N 3. - С. 21-31; *Плюснин Ю.М.* Политика деколлективизации села и ее первые итоги. Социальные проблемы сельского населения северных районов Республики Алтай (по материалам социологического исследования осенью 1994 г.). — Новосибирск: ИФПр СО РАН, 1995. — 32 с.
 3. См.: *Калугина З.И.* Социальные границы развития крестьянских (фермерских) хозяйств // Регион: экономика и социология. — Новосибирск, 1991. — Вып. 3. — С. 35-42; *Широкалова Г.С.* Фермерское движение: что же это такое? // ЭКО: экономика и организация промышленного производства. - Новосибирск, 1993. — N 3. — С. 110—126.
 4. См., напр.: *Максимов С.В.* Год на Севере. — Спб, 1901. — Ч. 1 — 2. — 608 с.; *Бернштам Т.А.* Русская народная культура Поморья в XIX- начале XX в. — Л.: Наука, 1983. — 233 с.
 5. См., напр.: *Максимов С.В.* Год на Севере. — Спб, 1901. — Ч. 1 — 2. — 608 с.; *Савельев Л., Потапов Л.* Как живут народы Северного края. — М.-Л.: Гос. изд., 1928. — 76 с.
 6. *Громыко М.М.* Мир русской деревни. - М.: Молодая гвардия, 1991.— 447с.; *Материалы* по истории сельского хозяйства и крестьянства СССР. — М.: Изд-во АН СССР, 1957. — Сб. III. — 496 с.
 7. *Бродель Ф.* Время мира. Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV — XVIII вв. — М.: Прогресс, 1992. — Т. 3. — С. 284-288.
 8. *Кузнецова О.В.* Производственная демократия в системе сельского самоуправления (на примере колхозов Поволжья). — Автореф. дисс... канд. филос.н. — Саратов, 1992. — 19 с.
 9. *Бродель Ф.* Динамика капитализма. — Смоленск: Полиграмма, 1993. — 124 с.